

ЛТС. 9015

ИЗВЕСТИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ
АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

**МАРКС
ЭНГЕЛЬС
ЛЕНИН
СТАЛИН**

**О
ПРОБЛЕМАХ
ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ**

8 р. 50 к.

Вып. 75

1933

ЖС 9015

ИЗВЕСТИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Выпуск 75

~~M~~
~~M-27~~
M-2
~~M-27~~

М а р к с
Э н г е л ь с
Л е н и н
С т а л и н
.
.
проблемах
ЯЗЫКА и МЫШЛЕНИЯ

с предисловием
Н. Я. МАРРА

Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1933 г.
ДК № 766

Дом Плеханова
№ 319

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАИМК
Ленинград
1933

шовинизм на деле) есть полная измена социализму, полный переход на сторону буржуазии, что этот раскол рабочего движения стоит в связи с объективными условиями империализма и т. п. — мне приходилось говорить «рабьим» языком, и я вынужден отослать читателя, интересующегося вопросом, к выходящему вскоре переизданию моих зарубежных статей 1914 — 1917 гг. Особенно стоит отметить одно место на стр. 119 — 120, чтобы в цензурной форме пояснить читателю, как бесстыдно лгут капиталисты и перешедшие на их сторону социал-шовинисты (с коими так непосредственно борется Каутский) по вопросу об аннексиях, как бесстыдно они прикрывают аннексии своих капиталистов, я вынужден был взять пример... Японии! Внимательный читатель легко поставит вместо Японии — Россию, а вместо Кореи — Финляндию, Польшу, Курляндию, Украину, Хиву, Бухару, Эстляндию и прочие не-великороссами заселенные области.

(В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма. Предисловие 5—6.)

Приложение IV

Г. В. Плеханов о языке

Условия возникновения и развития языка

... Маркс говорит: «На различных формах общественности, на общественных условиях существования возвышается целая надстройка различных своеобразных чувств и иллюзий, взглядов и понятий». *Бытие* определяет собою *мышление*. И можно сказать, что каждый новый шаг, делаемый наукой в объяснении процесса исторического развития, является новым доводом в пользу этого основного положения новейшего материализма.

Уже в 1877 г. Людвиг Нуаре писал: «Язык и жизнь разума вытекли из совместной деятельности, направленной к достижению общей цели, из первобытной работы наших предков». Развивая далее эту замечательную мысль, Л. Нуаре указывает на то, что первоначально язык обозначает предметы объективного мира не как *имеющие* известный образ, а как *получившие таковой* (*nicht als Gestalten, sondern als gestaltete*), не как *активные, оказывающие* известное действие, а как *пассивные, подвергающиеся* действию. И он поясняет это тем справедливым соображением, что «все предметы входят в поле зрения человека, т. е. делаются для него *вещами* лишь в той мере, в какой они *подвергаются* его воздействию, и сообразно с этим они получают свои обозначения, т. е. имена». Короче, *человеческая деятельность*, по мнению Нуаре, дает содержание первоначальным корням языка. Интересно, что Нуаре находил первый зародыш своей теории в той мысли Фейербаха, что сущность человека состоит в общественности, в единстве человека с человеком. О Марксе, он, повидимому, не знал ничего, в противном случае он

увидел бы, что его взгляд на роль деятельности в образовании языка ближе к Марксу, оттенявшему в своей гносеологии человеческую деятельность в противоположность Фейербаху, говорившему преимущественно о «созерцании».

Едва ли нужно понимать по поводу теории Нуаре, что характер деятельности людей в процессе производства определяется состоянием их производительных сил. Это очевидно.

(Г. В. Плеханов, Собр. соч., XVIII, 211—212.)

Бюхер пришел к тому заключению, что «работа, музыка и поэзия на первоначальной ступени развития сливаются в одно, но что основным элементом этой троицы была работа, между тем как музыка и поэзия имели лишь второстепенное значение». По его мнению, «происхождение поэзии надо искать в труде». Он замечает, что ни один язык не располагает слова, составляющие предложения, в ритмическом порядке. Невероятно потому, чтобы люди пришли к размеренной поэтической речи путем употребления своего обычного языка: этому противилась внутренняя логика этого языка. Как же объяснить происхождение размеренной ритмической речи? Бюхер предполагает, что размеренные ритмические движения тела сообщили образной поэтической речи законы своего сочетания. Это тем более вероятно, что на низших ступенях развития эти ритмические движения обыкновенно сопровождаются пением. Но чем же объясняется сочетание телодвижений? *Характером производительных процессов.* Таким образом *«тайна стихосложения лежит в производительной деятельности».*

... Валлашек говорит, что у многих первобытных племен при таких представлениях хор делился иногда на две противостоящие одна другой части. «Таков был, — прибавляет он, — первоначальный вид греческой драмы, которая прежде тоже была животной пантомимой. Животным, игравшим наибольшую роль в хозяйственной жизни греков, была коза» (слово трагедия и происходит от *tragos* — козел).

Трудно придумать более яркую иллюстрацию к тому положению, что не бытие определяется мышлением, а мышление — бытием!

(Там же, XVIII, 214—215.)

Но мы можем только догадываться о том, каков был «первобытный человек». Люди, населяющие землю в настоящее время, равно как и те, которые прежде были наблюдаемы заслуживающими доверия исследователями, оказываются уже довольно далекими от того момента, когда прекратилась для человечества животная жизнь в собственном смысле этого слова. Так например ирокезы со своей — изученной и описанной Морганом — *genis materna* уже сравнительно очень далеко ушли по пути *общественного* развития. Даже современные нам австралийцы не только имеют язык, — который можно назвать условием и орудием, причиной и следствием общественности — и не только знакомы с употреблением огня, но живут обществами,

имеющими определенный строй, с определенными обычаями и учреждениями.

(Там же, VIII, 248—249.)

... Одним из самых замечательных произведений эскимосской поэзии является сказка, герой которой — сын бедной вдовы — мстит своим богатым сородичам за испытанные от них унижения. А между тем у эскимосов до сих пор еще чрезвычайно сильно чувство солидарности, воспитанное первобытным коммунизмом.

Кроме того, нужно помнить, что в первобытном обществе очень рано возникает разделение труда между мужчинами и женщинами, чем порождается антагонизм полов, сказывающийся и в пище, и в нравах, и в развлечениях, и в искусстве, и даже в языке.

(Там же, XI, 306.)

Уже на низших ступенях культуры действие психологического начала противоречия вызывается разделением труда между мужчиной и женщиной. По словам В. И. Йохельсона, «типичным для первобытного строя юкагиров является противоположение между собой мужчин и женщин, как двух отдельных групп. Это проглядывает и в играх, в которых мужчины и женщины составляют две враждебных партии, в языке, некоторые звуки которого произносятся женщинами отлично от мужчин, в том, что для женщин родство по матери важнее, а для мужчин родство по отцу, и в той специализации занятий между полами, которая создала для каждого из них особую, самостоятельную среду деятельности» (По рекам Ясачной и Киркидону, древний юкагирский быт и письменность. Спб. 1898, стр. 5).

(Там же, XIV, 20—21.)

Первоначальная религия персов, — т. е. их религия в эпоху, предшествовавшую Зороастру, — была религией пастушеского народа. Корова и собака считались священными и даже божественными. Они играли большую роль в древне-персидской мифологии и космогонии и оставили свой след даже на языке. Выражение: «я дал в изобилии корму коровам» значило вообще: «я вполне исполнил свои обязанности». Выражение: «я приобрел корову» значило: «я своим хорошим поведением заслужил блаженство на небе по смерти», и т. п. Вряд ли можно найти более яркий пример того, как сознание человека определяется его бытием (ср. Шантэпи де ля Соссэй, цит. соч., стр. 445).

(Там же, XVII, 222, прим.)

... В своем ответе известному Шарлю Боннэ, сделавшему несколько критических замечаний по поводу «Рассуждения о происхождении неравенства» и, между прочим, сказавшему, что общественная жизнь есть необходимый результат человеческой природы, Руссо говорит: «Я прошу Вас не забывать, что, по-моему, жизнь в обществе так же естественна для человеческого рода, как старческое

одряхление для индивидуума... вся разница в том, что старость вытекает единственно из природы человека, между тем как общественный быт вытекает из природы человечества не непосредственно, как утверждаете вы, но, как это доказано мною, лишь благодаря некоторым внешним обстоятельствам, которые могли бы быть и могли не быть». Нельзя ярче выразить то убеждение, что человек вовсе не предназначен природой исключительно для общественной жизни: общество возникает лишь в период старости человеческого рода. Но именно это-то убеждение ставило Руссо перед непреодолимыми теоретическими трудностями. Вот одно из них.

Язык есть необходимое, хотя и недостаточное условие успехов человеческого разума. Но «естественный человек» живет, как мы слышим от Руссо, один, не имея никаких сношений с себе подобными. Поэту у него нет ни нужды в языке, ни возможности когда-нибудь возвыситься до членораздельной речи. Откуда же взялась у него такая речь? Чем вызвано было возникновение языка?

Руссо долго и напрасно бьется над этим вопросом. В конце концов он почти готов признать свое неумение справиться с ним и объявить, что «языки не могли родиться и утвердиться чисто человеческими средствами» (*naître et s'établir par des moyens purement humains*). Это напоминает де-Бональда, впоследствии (в эпоху реставрации) учившего, что язык дан людям богом. Если, намекая на какие-то не «чисто» человеческие причины возникновения языка, наш автор имел в виду нечто подобное тому объяснению, которое дал впоследствии де-Бональд, то, при своем проницательном уме, он не мог не сознавать, что в сущности оно ничего не объясняет. Вероятно, это сознание и принудило его предоставить другим исследователям решать, что для него нужнее: существование общества для «установления языков» (*l'institution des langues*) или же существование языков для возникновения общества.

(Там же, XVIII, 14—15.)

Из истории развития русского литературного языка

Уже в половине XII в. довольно сильно сказывается антагонизм между юго-западной Русью и Русью северо-восточной. Первое и, видимо, самое естественное объяснение этого антагонизма заключается в том, что юго-западная Русь была населена малороссами, а северо-восточная — великороссами. Но северо-восточная Русь населилась выходцами из юго-западной.¹

(Там же, XX, 55—56.)

¹ «Надобно вслушаться в названия новых суздальских городов: Переяславль, Звенигород, Стародуб, Вышгород, Галич, — все это южно-русские названия, которые мелькают чуть не на каждой странице старой киевской летописи в рассказе о событиях в южной Руси; одних Звенигородов было несколько в земле Киевской и Галицкой. Имена киевских речек Лыбеди и Почайны встречаются в Рязани, во Владимире-на-Клязьме, в Нижнем-Новгороде. Известна речка Ирпень в Киевской земле, приток Днепра... Ирпенью называется и приток

... При Петре «немецкое» влияние вытеснило польское; но в эпоху, непосредственно предшествовавшую Петровской реформе, польское влияние было в Москве довольно сильно. В 1617 году в письме к царю один из западно-руссов (А. Баранович) говорил, что «сниклит царского пресветлого величества польского языка не гнушается, но чтут книги ляцкие в сладость». В следующем году была сделана, — правда, кончившаяся неудачей — попытка организовать в Москве продажу польских книг. Царь Федор Алексеевич владел польским языком. В домах московской знати появилась польская утварь.

«Ляцкий» язык, «ляцкие» книги и «ляцкие» изделия прокладывали путь, — правда, весьма узкий: чуть заметную тропинку, — «ляцким» идеям.

(Там же, XX, 264.)

... Усердный преобразователь Петр нисколько не пренебрегал «рабскими» доносами в своих кровавых расправах с теми представителями служилого класса, которые так или иначе навлекали на себя его неудовольствие. А так как вызвать это неудовольствие было очень нетрудно, то благоразумие подсказывало им крайнюю сдержанность в беседах при слугах или... разговор на одном из иностранных языков. Сильно топорщились морские служилые люди, когда их сажали за иностранные «вокабулы»; горек был для них корень учения. Но, овладев тем или другим из иностранных языков, они, хотя бы уже ввиду указанного обстоятельства, должны были признать, что плод учения сладок, и что, стало быть, справедлива французская поговорка: *A quelque chose malheur est bon*.

(Там же, XXI, 17.)

... Известно, что с 1708 г. книги недуховного содержания печатались у нас, по приказанию Петра, новым, так называемым гражданским шрифтом. Первой книгой, напечатанной этим шрифтом, была «Геометрия, славенски землемерие». Это вполне соответствует характеру тех знаний, которые особенно нужны были России в эпоху преобразования. Но, как на это указывал еще Ключевский, второй

Клязьмы во Владимирском уезде. Имя самого Киева не было забыто в Суздальской земле: село Киево на Киевском овраге знают старинные акты XVI столетия в Московском уезде; Киевка — приток Оки в Калужском уезде, село Киевцы — близ Алексина в Тульской губ.» (*В. Ключевский, Курс русской истории, ч. I, стр. 357—358*). По совершенно справедливому замечанию Ключевского, это перенесение южно-русской географической номенклатуры на отдаленный суздальский север было делом переселенцев, приходившим сюда с киевского юга. Тот же ученый с неменьшим основанием говорит, что по городам Соединенных Штатов Сев. Америки можно репетировать географию доброй доли Старого Света. К этому надо прибавить, что в Соед. Штатах чаще всего встречаются названия английских городов, так как в течение долгого времени туда переселялись, главным образом, англичане; процесс возникновения народа, называемого иногда «янки», был лишь процессом возникновения некоторых особенностей той части английского племени, которая переселилась в Сев. Америку.

книгой, изданной «новотипографским тиснением», было не какое-нибудь техническое руководство, а сочинение, носившее многообещающее название: «*Приклады, како пишутся комплименты разные на немецком языке, то-есть, писания от потентатов к потентатам, поздравительные и сожалательные, и иные, такожде между сродников и приятелей. Переведены с немецкого на российский язык*» и т. д. Факт появления этого письмовника показывает, как спешит Петр сообщить своим «рабам» европейские обычаи и приличия. Приводя один из содержащихся в письмовнике «прикладов» и сравнивая его язык с языком московско-русских писем допетровской эпохи, Пекарский замечает:

«В этом письме язык тяжел до смешного, каждая фраза почти германизм; но здесь уже нет помина о челобитье до земли, нет гиперболических уподоблений и превознесения до небес лица, к которому написано послание, и жалкого самоунижения подписывающего письмо, — все это стало исчезать». Пекарский обращает внимание читателя еще на то, что в личных обращениях «приклады» ставят «вы», а не старое московское «ты». Однако к этому требованию вежливости привыкнуть было нелегко, и потому смесь множественного числа с единственным является, по замечанию того же исследователя, обычной как в переписке, так и в разговорной речи россиян вплоть до конца XVIII века.

«Приклады» — это значит примеры — требуемого приличиями письменного языка переведены были у нас с немецкого. В свою очередь, немцы учились приличиям у французов, а французы у итальянцев. В XVI веке Италия в этом отношении, как и в очень многих других, давала тон всей Западной Европе. Иначе и быть не могло, так как в ней раньше, нежели в остальных западно-европейских странах, развилась городская культура. Когда россияне нашли нужным усвоить себе приличное обращение, они не могли, конечно, удовлетвориться одним Письмовником: *L'arrétit vient en mangeant*. И вот в 1717 г. напечатано было, опять по приказанию Петра, новое руководство: «*Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению*».

(Там же, XXI, 14—15.)

Не зная того немецкого подлинника, — вернее, тех подлинников, — с которого (которых) переведено было «Зерцало», невозможно проверить точность перевода. Однако можно с уверенностью сказать, что там нет слова «*Sklaven*», а есть слово «*Hausknechte*» или «*Dieper*». Но в русском переводе стоят «рабы». Это было в духе нашего тогдашнего социального строя.

(Там же, XXI, 17.)

Итак, передовые россияне учились прилично держать себя в обществе и говорить дамам «комплименты»! Многие из них, наверно, усваивали это искусство с большей охотой, нежели «навигационную» науку. Литература отразила в себе совершавшуюся перемену обще-

ственных привычек. Герои некоторых русских повестей первой половины XVII в. говорят языком, который, в значительной степени сохраняя старую московскую дубоватость, делается якобы утонченным и порой становится напыщенным и слащавым. Когда кто-нибудь из этих господ влюбляется, это значит, что его «уязвила купидова стрела». Влюбившись, они очень скоро приходят в «изумление», т. е. сходят с ума.

(Там же, XXI, 18.)

... Разночинец несет вклад и в изящную литературу, как понес он его, несколько позднее, в живопись, где, впрочем, его деятельность была менее глубоко захватывающею и плодотворною.

Зная, что писатель является не только *выразителем* выдвинувшей его общественной среды, но и *продуктом* ее; что он вносит с собой в литературу ее симпатии и антипатии, ее мирозерцание, привычки, мысли и даже язык, — мы с уверенностью можем сказать, что и в качестве художника наш разночинец должен был сохранить те же характерные черты, которые вообще свойственны ему, как разночинцу.

(Там же, X, 10.)

Если нашего разночинца мало привлекает внутренняя красота художественного произведения, то еще менее можно соблазнить его внешней отделкой, например красивым слогом, которому французы до сих пор придают такое огромное значение. Он каждому писателю готов сказать: «Друг мой, пожалуйста, не говори красиво», как советовал Базаров молодому Кирсанову. Пренебрежение к внешности заметно на самой речи разночинца. Его грубоватый и неуклюжий язык далеко уступает изящному, гладкому и блестящему языку «либерала-идеалиста» доброго старого времени. Иногда он чужд не только «красоты», но — увы — даже и грамматической правильности. В этом отношении дело зашло так далеко, что когда разночинец-революционер обращался к публике, стараясь воспламенить ее своей письменной или устной речью, то, не умея владеть словом, он, при всей своей искренности, оказывался не красноречивым, а только фразистым. Известно, что все органы слабеют от бездействия.

(Там же, X, 12.)

Само собой понятно, что автор, мало обращающий внимания на художественную отделку своих произведений, еще меньше будет заботиться об языке. В этом отношении наших беллетристов-народников нельзя сравнивать не только с Лермонтовым или Тургеневым, но даже и с В. Гаршиным или Белинским.

(Там же, X, 15.)

Идеализированный им «народ» (т. е. «хозяйственный» крестьянин) останется глух к его призывам. Вот почему, продолжая держаться народнической точки зрения, он всегда будет находиться в самом ложном и противоречивом положении. Он будет сочинять не-

складные общественные теории, открывать давно уже открытые Америки, не имея действительной связи с жизнью, не чувствуя никакой прочной почвы под ногами. Задача плодотворной общественной деятельности останется для него неразрешимой задачей.

Унылое настроение, давно уже заметное в среде наших народников и в нашей легальной народнической литературе, как нельзя лучше подтверждает сказанное. У наших легальных «новых людей» выработался даже особый язык, прекрасно характеризующий всю безнадежность их положения.

(Там же X, 41.)

... На языке корреспондента-крестьянина *кустарь* значит злейший эксплуататор. На языке наших народников *кустарь* значит «самостоятельный производитель». Чье определение больше соответствует действительности?

(Там же IX, 243.)

Кроме того, в ответ на неудовольствие, выраженное благородным князем по поводу мысли о «подлом» происхождении старых дворянских родов, Россия, собранная в лице своих депутатов, могла бы напомнить ему слова одного из них, депутата Гадяцкого, Миргородского и Полтавского полков, Н. Мотониса: «Подлого у меня нет никого! Земледелец, мещанин, дворянин, всякий из них честен и знатен трудами своими, добрым воспитанием и благонаравием. Подлые те только, которые имеют дурные свойства, производят дела, противные законам...».

Слово: *подлый* уже переставало быть тогда синонимом слова: *низший* и приобретало обидный смысл. Оно, как видим, коробило, по крайней мере, некоторых депутатов Комиссии. И если Щербатов не чуждался его употребления там, где нужно было особенно старательно избегать его, то это свидетельствует лишь об его боярской надменности.

(Там же XXII, стр. 136.)

«Северный медведь съест Капитал, Социализм и германское Единство — этих трех законных детищ Свободы, Равенства и Братства» — так гласит эпиграф разбираемой нами книги. ... Сам «русский дворянин», имеющий удовольствие принадлежать к числу вожаков «Северного медведя», чувствует, что этими вожаками затевается очень нелегкое дело. Но он верит в его успех, и чтобы сообщить свою веру читателям, преподносит им свое сочинение. По совершенно понятной причине сочинение это написано на французском языке: высший класс в России хорошо владеет французским языком, следовательно, язык не помещает людям этого класса прочесть книгу нашего «дворянина». До других же классов ему нет дела, так как, по его мнению, им вовсе не пристало рассуждать о судьбах своей родины.

(Там же IV, 285.)

О языке популярных, массовых изданий

Наши издания для народа состоят, главным образом, из более или менее талантливо написанных тенденциозных рассказов. Сказка составляет преобладающий элемент в этой литературе.¹ Характеристическою чертою последней является единообразие того среднего типа читателей, к пониманию которого приспособляется язык и способ аргументации авторов. Читая наши народные издания, можно подумать, что среда, для которой они предназначаются, не представляет резких различий по умственному развитию, общественно-экономическому положению и наиболее жизненным интересам ее отдельных составных частей. Можно подумать, что приемы и способы социалистической пропаганды остаются единообразными и неизменными как в ватаге рыбаков на Волге, так и между рабочими больших городов, в станице казачьего войска и в мастерской мелкого ремесленника уездной глуши. — Даже более. До появления «Паровой машины» на малорусском языке, мы не имели ни одной книжки, которая доказывала бы, что мы помним о разноплеменном составе Российской империи. Предназначая свои народные издания для всего трудящегося люда, от одного конца России до другого, мы не приняли во внимание того обстоятельства, что русское государство состоит из различных народностей, вполне сохранивших, в низших слоях населения, свою национальную самобытность и свой язык. «Сказку о четырех братьях» могли понимать только великоруссы; Емелька Пугачев считался годным для оживления революционной традиции как в Поволжье, так и в Малороссии, воспевающей своих народных героев, имевшей свои массовые движения. Как известно, проповедники христианства были в этом отношении практичнее, чем мы, ибо апостолы своевременно позаботились о сошествии святого духа и о получении дара говорить на всех языках. — Практика не могла, разумеется, выиграть от такого рода приемов. Ставя солидарность интересов всего трудящегося мира как идеал, нельзя считать понятие о ней присущим мирозерцанию народа; помимо воздействия социалистов, нельзя считать ее исходным пунктом революционной пропаганды. Задача последней заключается не в том, чтобы предложить народу эту солидарность, как готовый абстрактный вывод, как догмат откровения, а в том, чтобы сделать самый процесс обобщения интересов трудящихся единиц понятным и доступным уму крестьянина, рабочего или казака. Перед их глазами, применяя способ наглядного обучения, нужно разложить формулу солидарности на ее составные части, которые содержит в себе обыденная жизнь. В этом заключается смысл и значение так называемой пропаганды или агитации на почве местных интересов. Но для их успе-

¹ Просим иметь в виду, что все сказанное нами по поводу социалистической литературы, на русском языке — относится, собственно, к великорусской литературе.

хов социалистическая литература не должна игнорировать местные, национальные, исторические или экономические особенности, а, напротив, совершенно приспособить к ним свою деятельность и, уже исходя из всем понятных, местных интересов, стараться сглаживать шероховатости, примирять существующий между различными народностями или группами трудящихся антагонизм.

... Наши народные революционные издания имеют в виду, как мы уже говорили, средний тип читателя. Этим типом служит крестьянин. Спрашивается, полагают ли русские социалисты совершенно оставить в покое казачество и, если нет, то какой успех будет иметь в качестве революционной брошюры, трактующая о нуждах мужика, написанная крестьянским языком? — Факты показывают, что даже эти брошюры встречают там хороший прием, и они делают свое дело, если сопровождаются дельными комментариями. Но если почва для социалистического воздействия там хороша, то это тем более заставляет жалеть о полном отсутствии специально к ней приспособленных орудий ее возделывания.

(Там же, I, 141—142.)

Если от казачества перейти к городским рабочим, то картина, представляемая нашей революционной литературой, не станет утешительнее. Можно сказать без преувеличения, что слои заводских рабочих совершенно лишены всяких подходящих для него социалистических изданий.

... Он чуждается деревенских оборотов речи и уснащает свои фразы иностранными словами; он хочет казаться образованным. Впрочем выражение «казаться» было бы не совсем правильным. Жизнь в больших центрах разрушает в нем то равновесие, которое характеризует мирозерцание земледельца экономически-отсталой страны, и делает из него скептика, превращает ум его в *tabula rasa*, на который жизнь постепенно очерчивает новый, более широкий кругозор. Эта умственная переборка вызывает действительное желание знать и учиться. Заводские рабочие следят за газетами, на столе более развитых из них появляются книги. Много ли даст им при таких условиях какая-нибудь «Сказка о копейке»?

Аграрный вопрос представляет мало интереса для заводского рабочего. Самый способ аргументации и изложения наших народных изданий не соответствует степени его умственного развития.

(Там же, I, 143—144.)

Их надо не утрачивать, а просвещать (употребляю это слово в политическом смысле). И просветить их теперь уже не так трудно. Это показывает опыт крестьянского союза. И это же подтверждает автор письма. «Для того, чтобы работать среди крестьян, — говорит он, — вовсе не требуется подчинения их предрассудкам... Надо только самому-то хорошо понимать, что говоришь... И надо все объяснять, а не фразерствовать». А мы, к сожалению, не всегда сильны насчет понимания, не всегда безгрешны по части фразерства

и почти всегда очень неловки по части объяснения. Возьмите хоть наши воззвания. Большинство из них написано языком тяжеловесным, понятным только «профессиональным революционерам», избилующим бесконечными придаточными предложениями, которые редко употребляются в народной речи. Хуже этого языка и придумать ничего невозможно. Пушкин говорил когда-то, что нашим писателям надо учиться русскому языку у московских просвирен. Как хорошо было бы, если бы московские просвирни согласились дать несколько уроков русского языка людям, пишущим наши воззвания.

И заметьте, что невозможный слог не единственный недостаток этих воззваний. *Ход мыслей* в них так же неуклюж, как и язык; они производят такое впечатление, что их авторы пишут и пугливо оглядываются на самих себя: как бы не написать чего еретического, не вполне ортодоксального. И потому эти воззвания переполнены всякими совершенно лишними в воззваниях «соображениями». Каждое подобное воззвание представляет собой что-то вроде схемы русского общественного развития, набросанной для того, чтобы оправдать в глазах автора тот шаг, сделать который он приглашает своих читателей. При этом «принимается в соображение» все, кроме психологии «массового» читателя, которому все эти неуклюжие, часто неудачные и педантические схемы, разумеется, решительно ни на что не нужны, которого они отпугивают, как нечто ему совершенно чуждое. А между тем в массовом читателе все дело. Судьба России решится движением масс.

(Там же, XV, 50.)

Статьи г. Рубакина интересны в особенности тем, что в них приводится множество отзывов самих «читателей из народа» относительно того, что собственно хотелось бы им знать и чего требуют они от народной книжки. И как многочисленны, как разнообразны те отрасли знания, которые стремится обнять пробудившаяся мысль современного русского рабочего. «Я желал бы знать, — пишет один рабочий, — как образовалась земля и появился человек? И какую жизнь вел? Затем жизнь историческую и развитие, как умственное, так и нравственное, и появившиеся литературы и поэзии главных народов, — мне желательно знать хорошо и понятно». Словом, целая энциклопедия. Но ему и этого кажется мало: «Кроме того, — прибавляет он, — мне желательно знать многое другое... Другой добродушно сообщает: «Я не знаю, что для меня полезно знать: одно хорошо, а другое лучше». Существующая популярная литература не удовлетворяет читателей из народа. Рабочие очень не любят поучительных книг. «Все нашего брата учат» — насмешливо говорит рабочий, возвращая учительнице поучительную книгу. «Ужо вот мы их в посту почитаем, а то больно уж поучительны», — говорят фабричные, отказываясь от предложенных им поучительных книг. «Глубоко ошибаются, — пишет г. Рубакину мещанин Херсонской губернии Г. З., — что народу особые книжки нужны. Что преследуют эти господа? Цель образования народа? Так вот что: с ихними

взглядами они много не сделают, ибо они говорят, что народу только и нужно писать особым языком. Как же он будет образовываться, если он будет читать только особый язык?» Еще один читатель из народа пишет: «В литературе для общества попадаются часто скучные и даже глупые, ей Богу, глупые книги (их я могу назвать). Вот такую скучную книгу и дадут читать крестьянину или мещанину. Ну, что ж? Книга ужасно скучная. Даже попадись вам скучная книга, неужели вы прочтете ее без всякой мины до конца? Так и нам: — прочтешь четверть книги и бросишь, а между тем лица трубят: им непонятны фразы, они не могут читать книг, предназначенных для общества. Нет, народу нужны не народные книги, а дешевые, потому что он бедняк, а не дурак».

(Там же, IV, 120—121.)

Об «алгебраическом знаке»

Противники жирондистов были людьми дела, а не людьми слова, что не мешало, впрочем, некоторым из них обладать замечательным красноречием, и не трудно представить себе, с каким презрением посмотрели бы эти могучие люди великого дела на наших «большевиков», воображающих, что радикализм состоит в непрерывном повторении известного катехизиса от начала до конца и от конца до начала. Они приняли бы их за воскресших brissotins, а вернее, просто за попугаев. Только люди, отличающиеся наивностью этих несчастных «большевиков» или — что в этом случае все равно — г. Solus'a, могут думать, что при распространении политических идей не следует прибегать к употреблению «алгебраических знаков». На самом деле, иногда бывает в высшей степени полезно выдвинуть перед массой известный алгебраический знак, предоставляя ей самой, на основании собственного опыта, заменить алгебраические буквы определенными арифметическими величинами. Кто отрицает это, тот не понимает психологии массы. Эта психология есть психология людей, которые еще только совершают свое воспитание, которые еще только зреют для усвоения известных идей. Таким людям сплошь да рядом кажется неясным то, что представляется вполне определенным зрелому человеку. И наоборот: то, что зрелому человеку представляется неудовлетворительным по своей неопределенности, является более удовлетворительным для умов, еще нуждающихся в воспитании. Поэтому в деле пропаганды и агитации вопрос о том, что лучше, алгебра или арифметика, решается далеко не так просто, как это думает г. Solus. Иногда «алгебраический знак» дает «серому» слушателю несравненно больше, нежели определенная арифметическая величина. И это неудивительно: ведь в политике наши «арифметические величины» часто гораздо более отвлечены, нежели «алгебраические знаки».

Я утверждаю, что наша народная масса далеко еще не достигла той степени политического развития, на которой уже нет нужды в «ал-

гебре», поэтому я и не боюсь алгебры. Надо пользоваться ее знаками, не опасаясь того, что скажет по этому поводу тот или другой сторонник «большевистской» — если можно так выразиться, — тактики. . .

Такою же ересью считает ее, повидимому, и Ф. И. Дан. Он хорошо определил задачи второй Думы. Одно плохо: он, как видно, не считает нужным употребление «алгебраических знаков». Это заблуждение. Без «алгебры» пока еще обойтись нельзя. Обратное тому, что происходит в школах, народная мысль начинается именно с алгебры, так что в течение некоторого времени арифметика остается достоянием кружков или, — и это, конечно, лучший случай, — известных, наиболее передовых слоев населения. Наша народная масса, — рассматриваемая в том ее целом, от которого и зависит в последнем счете решение великих исторических вопросов, — еще не перешла из алгебраического класса в арифметический.

(Там же, XV, 293—294.)

Какова могла бы быть, по-моему, общая избирательная платформа левых и крайних левых партий? . . .

На второй вопрос нет и не может быть другого ответа, кроме этих двух слов:

Полновластная Дума.

Это — общая формула, в которую каждая партия будет на место алгебраических знаков ставить желательные ей определенные арифметические величины. Кадеты не могут представлять себе полновластную Думу так, как должны представлять ее себе социал-демократы. Но и тем, и другим нужна полновластная Дума. Поэтому и те, и другие обязаны бороться за нее.

И заметьте, что именно потому, что эта общая формула в своем алгебраическом виде совершенно точно выражает самую насущную теперь, — и для «левых», и для «крайних левых», — политическую задачу, она даст возможность и тем, и другим сохранить всю полноту всех остальных своих политических и социальных требований. Становясь на ее точку зрения, вовсе нет надобности предварительно «урезать» эти остальные требования. Нет надобности потому, что полновластное народное представительство само есть предварительное условие осуществления всех остальных политических и социальных требований всех передовых партий. Без него ни одно из них не осуществится. Когда оно будет налицо, тогда начнется борьба за подстановку в общую алгебраическую формулу определенных арифметических величин, и тогда левые партии станут в боевой порядок против крайних левых. Но теперь у нас вместо полновластной Думы есть пока только полновластный г. Столыпин. Поэтому теперь и левые, и крайние левые партии обязаны вместе выступить против тех, которые не хотят полновластного, а, пожалуй, и вовсе никакого народного представительства. Это ясно, как дважды-два четыре.

(Там же, XV, 333—334.)

Замечания о формах выражения и стиля и др.

Известно, что многие граждане Соединенных Штатов не любят называть свой язык английским: у них выходит, что, наоборот, Англия говорит на языке Соединенных Штатов (United States language). Вот так и у г. Леонэ выходит, что манчестерская школа отстаивает те же принципы, на которые опирается синдикализм. Однако подобные наивности не изменяют, конечно, действительного отношения между явлениями. На самом деле язык Соединенных Штатов есть *английский язык*; и точно так же приведенное мною заключительное заявление г. Леонэ на самом деле должно быть понимаемо в обратном смысле: оно означает, что «революционный» синдикализм отстаивает и — по мере сил! — «освещает» те же экономические «законы» и те же «формулы», которые служат базой для архибуржуазного манчестерства.

(Там же, XVI, 96.)

...Со времени реставрации аристократия, стремясь перенести к себе на родину вкусы и привычки блестящего французского дворянства, забывает Шекспира. Драйден находит его язык устаревшим, а в начале XVIII века лорд Шефтсбюри горько жалуется на его варварский слог и на его старомодный дух. Наконец, Поппе сожалел, что Шекспир творил для народа, не стараясь понравиться зрителям «лучшего сорта». Только со времени Гаррика Шекспира снова полнотью (без подчисток и переделок) играли на английской сцене.

(Там же, X, 182.)

«Условная ложь» общества, разделенного на классы, тем больше разрастается, чем более расшатывается под влиянием экономического развития и вызываемой им классовой борьбы существующий порядок вещей. Маркс весьма справедливо сказал, что чем более развивается противоречие между растущими производительными силами и существующим общественным строем, тем более пропитывается лицемерием идеология господствующего класса. И чем более обнаруживает жизнь лживость этой идеологии, тем возвышеннее и нравственнее становится язык этого класса («Sankt Max» Dokumente des Sozialismus, August 1904, S. 370—371).

(Там же, XVIII, 238.)

Положим, что производительность труда, затрачиваемого на производство данного товара, удваивается. Это значит, что на производство этого товара в прежнем количестве требуется теперь *звон меньше труда*, чем требовалось прежде. Поэтому стоимость его будет теперь *двое меньше*. Если на производство данного продукта нужно теперь затратить вдвое менее труда, чем прежде, то, конечно, можно сказать, что теперь его изготовление причиняет вдвое менее хлопот, или затрат, или издержек, или и т. д., но такой способ выра-

жения едва ли соответствует «строгости систематическому проведению» теории трудовой стоимости. Положим, г. Воронцов употребляет его лишь временно. Запутав им мысль читателя в своем определении стоимости, он сам старается, сколько может, вывести эту мысль на настоящую дорогу и переходит к более точной терминологии. Его временная терминологическая путаница является своего рода педагогическим приемом. Но всякий видит, что подобные приемы до крайности неудачны. Они свидетельствуют лишь о неясности мысли самого автора.

(Там же, IX, 83.)

...«Социология», изданная в 80-х годах за границей и подписанная: Че-к. Г. Че-к тоже имел оригинальный язык, соответствовавший глубокой оригинальности его мысли. Мы не имеем сейчас под руками его «Социологии», но мы хорошо помним, что в ней находилось, например, такое определение полиции: «полиция, это — самоприспособляющийся самоприспособлением коллектива». Г. Че-к, с которым мы имели удовольствие встречаться, очень гордился такими определениями. Но теперь его далеко оставил за собою г. Гольцапфель.

...И после этого есть люди, сомневающиеся в том, что все совершенствуется, все идет вперед! Нельзя сказать, чтобы приведенные отрывки были совсем лишены смысла. Но если эти мысли изложить обыкновенным человеческим языком, то они поразят читателя страшной бедностью своего содержания, между тем как варварский слог г. Гольцапфеля придает им некоторую философскую внешность.

(Там же, XVII, 152.)

Маркс говорит, что «идеальное есть не что иное, как материальное, отраженное и переведенное в человеческой голове». На этом основании г. Шмидт отнес Маркса к числу тех, по мнению которых духовная природа человека может быть объяснена только материальными свойствами, только «материей и силой». Уже одно это показывает, как плохо понял Маркса этот почтенный доктор. Если я *перевожу* (übersetze) что-нибудь, например, с русского языка на французский, то означает ли это мое действие, что язык Вольтера не может быть объяснен только свойствами языка Пушкина и что вообще язык Пушкина «реальнее» языка Вольтера? Вовсе нет! Это значит, что существует *два языка*, каждый из которых имеет свое особое строение, и что если я буду игнорировать французскую грамматику, то у меня получится не перевод, а просто-напросто галматия, которой нельзя будет ни понять, ни прочесть. Если, по словам Маркса, «идеальное есть и перевод и переделка материального в человеческой голове», то ясно, что, согласно тому же мнению — «материальное» не тождественно «идеальному», потому что, в противном случае, не было бы никакой надобности переделывать и переводить его. Вот почему совершенно лишена смысла та нелепая

тождественность, которую Шмидт пытается навязывать Марксу. Но если данная французская фраза не похожа на ту русскую фразу, перевод которой она собою представляет, то из этого еще не следует, что смысл первой фразы должен разойтись со смыслом второй. Напротив, если перевод сделан хорошо, то в обеих фразах, несмотря на их несходство, *смысл будет один и тот же.*

(Там же, XI, 135)

Жорес во всем мире известен, как замечательный оратор. Своей «формой» речи, произнесенные им в Амстердаме, очень понравились даже многим марксистам. Я не был в их числе. Мне нравится лишь то красноречие, которое афиняне называли «тошум», противопоставляя его «жирному» красноречию восточных народов. А у Жореса именно чрезвычайно «жирный» ораторский талант. В его речах, украшенных риторическими цветами, не заметно крепкой мускулатуры логики. И этим недостатком особенно сильно страдала речь, произнесенная им в Амстердаме. Длинные и широковежательные, ноздреватые и громкие, они производили на меня почти комическое впечатление полным несоответствием очень бедного содержания с крайне пышной формой.

(Там же, XVI, 331.)

Нечего и говорить, что я отнюдь не отвечаю за слог «выдающегося теоретика синдикализма». Правда, его собственная ответственность за слог только что сделанной мною выписки тоже должна быть признана ограниченной: я перевожу с французского перевода его итальянского сочинения. Но мысли, высказанные в приведенных мною отрывках, таковы, что на каком бы языке ни выражался человек, их высказывающий, к нему все-таки нельзя отнестись иначе, как с юмором. Покойный Г. И. Успенский заметил в одной из своих немногочисленных критических статей, что существует порода людей, которая никогда и ни при каких обстоятельствах не выражается просто. Человек, принадлежащий к такой породе, не скажет: «кирпич упал на землю», а непременно выразится по ученому: «под влиянием силы тяжести, данная масса материи приблизилась к центру земли на такое-то расстояние» и т. д. По выражению Г. И. Успенского, люди этой породы стараются «думать басом», подобно тому, как стараются говорить басом иные школьники, желающие показаться «большими». Арт. Лабриола всегда «думает басом» и оттого кажется «большим» г-ну Луначарскому. Его искусственный бас гудит на протяжении всей книги; гудит он и в цитируемой теперь статье и, между прочим, там, где речь идет о посылах, свойственных одновременно и реформизму и синдикализму. И чем ниже этот искусственный бас, тем более восхищается им Арт. Лабриола. Беда только в том, что даже самый низкий «бас» не способен наполнить дельным содержанием пустое место.

(Там же, XVI, 31.)

1) Слово «социализм» впервые появилось в английской и французской литературе в 30-х гг. XIX в. Автор статьи «Socialism» в «Encyclopaedia Britannica» (vol. XXII, p. 205) утверждает, что оно обязано своим происхождением возникшей в 1835 г. в Англии «Association of all classes of all Nations». С другой стороны Пьер Леру доказывает, что оно было употреблено в первый раз им в статье «De l'individualisme et du socialisme», появившейся в 1834 г. (см. Oeuvres de Pierre Leroux, t. I, 1850, p. 276, примечание). Но надо заметить, что в названной статье слово это употребляется у Пьера Леру лишь в смысле «преувеличения идеи ассоциации». Несколько позже оно стало обозначать всякое стремление переделать общественный строй с целью поднять благосостояние низшего класса и обеспечить социальный мир. Ввиду этой крайней неопределенности его значения ему часто противопоставляли коммунизм, как стремление, направленное к гораздо более определенной цели установления общественного равенства посредством обращения средств производства, а иногда также и предметов потребления в общественную собственность. В настоящее время слово «социализм» почти заменило собою слово «коммунизм»; зато оно утратило свою первоначальную расплывчатость. Его нынешний смысл ближе к первоначальному смыслу слова «коммунизм».

(Там же, XVIII, 86—87, примеч.)

...В чем же заключается та отличительная черта, присутствие которой в данной социалистической системе сообщает ей утопический характер, независимо от ее более или менее достойных внимания и одобрения частных? Вопрос этот тем более уместен здесь, что при недостаточном знакомстве с предметом можно вообразить, будто слова «утопический», «утопическая» не имеют точного теоретического смысла, а применение к данному плану или системе означает простое неодобрение. В самом деле, слово «утопия» было известно французским социалистам-утопистам, и, когда один из них, скажем, Фурье, хотел выразить неудовольствие, вызвавшееся в нем известными сторонами какой-нибудь другой социалистической школы, например сэн-симонистской, он называет ее, между прочим, *утопической*. Конечно, кто провозглашал данную систему утопической, тот тем самым провозглашал ее неосуществимой. Но ни один социал-утопист не имел ясного представления о том критерии, с помощью которого можно было судить об осуществимости данной системы. Вот почему слово «утопия» имело под пером социалистов-утопистов лишь полемическое значение. В настоящее время этот предмет представляется в другом виде.

(Там же, XVIII, 124.)

...Мы должны относиться к либералам как к возможным союзникам, а тон у Вас, надо сознаться, совсем не союзнический. Смягчите его, голубчик; статья сама по себе прекрасная, и было бы жалко, если бы производимое ею впечатление было отчасти испорчено не-

которыми слишком резкими выражениями по адресу либерализма. Вы говорите как враг, а надо говорить как союзник (хотя бы только в возможности). Нельзя также прямо сказать: мы хотим, чтобы либералы оказывали нам *услуги*. Мы, действительно, очень хотим этого. Но у вас это слишком прямо выражено (я даже приписал: «так говорить нельзя»). Надо выражаться *дипломатичнее*. Идеалистический словарь очень богат нужными здесь дипломатическими словами. Обратитесь к нему.

(Письмо Плеханова В. И. Ленину 14/VII 1901 г. Ленинск. сборн., III, 204.)

Приложение V

Теоретические высказывания П. Лафарга об языке

Язык, подобно живому организму, рождается, растет и умирает. В течение своего существования он проходит ряд эволюций и революций, ассимилируя и отбрасывая от себя отдельные слова, выражения и грамматические формы.

Слова каждого языка, подобно клеткам растения или животного, живут своей собственной жизнью: их произношение и их правописание беспрерывно меняются.

(Французский язык до и после революции, 211. Соч., III. Изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса. 1931.)

... восходя к первоначальным значениям слов, можно выяснить процесс возникновения в голове человека отвлеченных идей, считавшихся прирожденными.

(Там же, 211, прим.)

Различные значения слова потом указывают на этапы, пройденные пастушечьим народом, который осел на земле, стал ее обрабатывать и достиг в своем развитии понятия закона.

(Там же, 211.)

... слова всякого культурного языка носят на себе печать примитивной жизни первобытных людей.

(Там же, 212.)

То обстоятельство, что язык находится в состоянии беспрерывного изменения, объясняется тем, что он представляет собой самый непосредственный, самый характерный продукт человеческого общения. Дикие племена, которые живут разобщенно друг от друга, через незначительный промежуток времени перестают друг друга понимать, — до такой степени видоизменяются их диалекты.

Язык отражает в себе изменения, происходящие в человеке и в среде, в которой последний развивается. Изменения в укладе жизни людей, как, например, переход от сельской жизни к городской, а также политические события, кладут свой отпечаток на язык. Народы, у которых политические и социальные сдвиги быстро следуют

друг за другом, видоизменяют быстро свой язык; наоборот, у народов, не имеющих истории, язык становится неподвижным.

Язык Раблэ через столетие после смерти этого писателя был понятен только лишь для образованных читателей, а исландский язык, от которого произошли языки норвежский, шведский и датский, сохранился почти в неприкосновенности в Исландии.

(Там же, 212.)

Обиходные выражения и пословицы, быть может, еще ярче, чем слова, показывают, как тесно связан язык с явлениями окружающей жизни.

(Там же, 212.)

Подобно тому как растение не может быть вырвано из своей климатической обстановки, точно так же язык неразрывно связан со своей социальной средой. Лингвисты обычно не знают или игнорируют действие среды; многие из них ищут в санскритском языке происхождение слов и даже мифологических сказаний. Для грамматиков санскрит, как для антропологов краниология, — ключ ко всем тайнам... Впрочем, этимологические выводы ориенталистов должны были бы быть менее противоречивыми, чтобы они могли заставить нас их метод предпочесть теории среды, которая начинает все больше и больше господствовать во всех отраслях естественных и исторических наук.

(Там же, 213.)

Грамматики эти ошибаются: подавляющее большинство их новых слов [дополнительно внесенных после 1794 г. в «Словарь Академии»] было в ежедневном употреблении еще до 1794 г.

(Там же, 214.)

Язык революционизировался, подобно государству, обществу, собственности и нравам. Историки языка мало останавливаются на этом лингвистическом обновлении, которое так сильно занимало умы образованных людей начала века.

(Там же, 216.)

Новые слова и выражения, вторгшиеся в язык [в эпоху Революции], были так многочисленны, что необходимо было переводить газеты и брошюры этой эпохи, чтобы сделать их понятными придворным Людовика XIV.

(Там же, 216.)

... изысканный язык [после Революции] попытался вновь вернуть свой авторитет в глазах правящих классов и отбросить все неологизмы, насильственно введенные в него... Однако, лингвистическая революция произошла; пояс из полированного железа, сковывавший язык, был сломан и язык обрел свободу.

(Там же, 216.)

Наречие, которое они [дворяне], как ограду, воздвигли вокруг себя, изолировало их от остальных классов: оно играло ту же роль.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
I. Условия возникновения и развития языка	11
1. Предпосылки происхождения языка	11
2. Происхождение языка	16
3. Условия развития языка до образования национальных языков. Родоплеменные союзы и различные языки	24
4. Условия образования национальных языков	36
5. Условия развития языка в классовом обществе	51
II. Развитие языка	75
1. Язык и мышление	75
2. Общественное сознание и общественное бытие	80
3. Язык и общественная среда	92
4. Развитие языка	95
III. Учение об изменении значений слов	102
1. Образование новых понятий и слов	102
2. Перенесение старых названий на новые явления	103
3. Образование новых названий и перенесение прежних на новые явления по функции	105
4. Классовое содержание неверной терминологии	105
5. Классовая борьба и новая терминология	123
IV. Национальный вопрос и языковая политика	126
1. Две исторические тенденции в национальном вопросе	128
2. Буржуазное языкознание на службе у националистов и великодержавных шовинистов: панславизм, пангерманизм, панскандинавизм	134
3. Языковая политика буржуазных либералов и демократов	144
4. Языковая политика ВКП(б)	144
V. Язык как средство выражения мысли, как орудие агитации и пропаганды	230
1. Значение точности терминологии и выражений	230
2. Основные качества, которыми должен обладать язык агитатора	262
3. Язык как средство маскировки действительных убеждений	272
VI. Язык как исторический источник	287
ПРИЛОЖЕНИЯ	
1. Заметки К. Маркса и Ф. Энгельса об их занятиях языками	293
2. Отзывы различных лиц о занятиях К. Маркса и Ф. Энгельса языками	309
3. «Эзоповский» язык в условиях царской цензуры	310
4. Г. В. Плеханов об языке	311
5. Теоретические высказывания П. Лафарга об языке	32